ЯДРИНЦЕВЪ

117564

)bservations historiques et géographiques
s qui ont habité les bords du Danube et

récédent. Examen du livre intitulé: Consi-
actuelle des turcs. 8481.—Observations
res de M. le B-n de Tott. 6075.—Traité
mer Noire. 3441.
ption de Vienne. 13764.—Beschreibung d.
dt Wien. 13790.
hte mit besonderer Berücksichtigung d.
erichtes. 4674.
chemischen Theorie u. d. Volta'schen Con-

l. Haar in seiner physiolog., patholog. u.
. 18713.
Beiträge. № 1. 4394.
Kunde. I Theil. 17095.—Lehrbuch d.
u. Geschichte. 12720.
ses. Zaben. 12217.
Père Cl... istoire et du droit public
Pergami, B... 2.
Permon, de. Ir...
Idem 13216. ...nach seinen Ab-
Pernetty, abbé. Histo...20.
1764. 786. ...cher Staats-
Pernety, A.-J. Dictionnaire ...
édit. 8914.—Fables égyptienn...
Pernin de Chavanette, l'abbé. Ab...e
verselle 2645.
Péron, cap. Mémoires sur ses voyages a... du monde.
bie. 9566.
Perraud, Ch. L'avenir de la Pologne. 19331.

16287.
Philosophie (
Philosophie (
Philosophie 1
Philosophy, 1
Philostratus,
Phoebus, Ph.
Handbuch (
Physiche Abl
Paris. Thei
Physiocrates,
la Rivière.-
cipaux éco
Physionomie
II. 16727.
Physique de
Physique de
mes. 10654
Physiologie (
Piante delle
Veneto... 1
Piasecius, P.
Piazzi Smyth
of 1856. 41
Picard, L.-B.
roman. 107
man. 10260
comédie. 16
Picart, B. Hi
...ult, Ch.

117564.

117564.
ПРОВЕРЕНО 1948 г.
ПРОВЕРЕНО 1958 г.
№ 38

ДРЕВНІЕ ПАМЯТНИКИ

И

ПИСЬМЕНА ВЪ СИБИРИ.

Н. ЯДРИНЦЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, № 39).
1885.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 іюля 1885 года.

ДРЕВНІЕ ПАМЯТНИКИ

и

ПИСЬМЕНА ВЪ СИБИРИ.

Изъ сибирскихъ древностей и памятниковъ, оставшихся отъ прежнихъ вѣковъ, болѣе всего заслуживаютъ вниманія надписи на камняхъ. Извѣстно, что часть изъ нихъ состоятъ изъ начертаній фигуръ людей и звѣрей. Онѣ находились по Бухтармѣ, на Томи, въ Енисейской губерніи, на Байкалѣ и въ другихъ мѣстахъ. Г. Потанинъ указываетъ на такія же начертанія въ Монголіи. Это обыкновенныя изображенія сценъ изъ охотничьей жизни. Они даютъ понятіе объ образѣ жизни дикарей и первыхъ попыткахъ увѣковѣчивать изображеніями событія. Но еще любопытнѣе знаки и изображенія, когда начинается письменность. Такія письмена встрѣчаются въ Сибири то начертанныя красками, то высѣченныя на скалахъ и камняхъ. Писанныя краскою письмена, большею частію, позднѣйшія, они часто монгольскія и китайскія, поэтому доступны для чтенія оріенталистовъ. Не таковы нѣкоторыя другія надписи, выраженныя на языкѣ, который утерянъ и которому трудно найдти разгадку. Къ такимъ относятся надписи, открытыя въ Минусинскомъ округѣ, весьма опредѣленнаго типа.

Въ виду отысканныхъ нынѣ новыхъ надписей экспедиціей г. Адріанова на р. Кемчикѣ въ вершинахъ Енисея и видѣнныхъ Боголюбскимъ, а также коллекціи писаницъ, собранныхъ въ Минусинскомъ музеѣ, мы представляемъ описаніе ихъ изъ отчета г. Адріанова и прилагаемъ снимокъ съ нихъ, а затѣмъ укажемъ на всѣ отысканныя ранѣе. Такимъ образомъ постараемся сдѣлать сводъ всему извѣстному по этой части до нашихъ дней.

Вотъ описаніе надписи, снятой г. Адріановымъ. На утесѣ *Кàябàжи*, на правомъ берегу Кемчика, въ нѣсколькихъ шагахъ вверхъ отъ скалы, съ начертанными оленями, стоитъ отвѣсно высокая скала, сложенная изъ слюдистыхъ сланцевъ, образуя въ этомъ мѣстѣ входящій двугранный уголъ. Въ нижней части одной грани

(лѣвой), подъ самымъ уступомъ изъ той же породы, который въ видѣ клина вдвинутъ въ двугранный уголъ и служитъ подошвой, вырѣзаны въ двѣ горизонтальныхъ строки руны, представленныя на рис. № 1.

Строки правильныя горизонтальныя, всѣ знаки одинаковой величины, около двухъ сантиметровъ, и вырѣзаны на глубину около 2 милиметровъ въ видѣ бороздокъ, входящихъ двугранным угломъ. Всѣ знаки сохранились превосходно и вполнѣ отчетливо передаются. Надпись эта, по мнѣнію г. Адріанова, констатируетъ съ положительною ясностью горизонтальность письма; если бы принять эти строки за вертикальныя, то пришлось бы читать, а стало быть и писать, растянувшись бокомъ по камнямъ и щекой лежа на землѣ. Кромѣ того, по этой же надписи легко прійдти къ заключенію, что руны писались отъ лѣвой руки къ правой [1]). Верхняя строка короткая и состоитъ изъ 12 знаковъ; вторая же, нижняя, очень длинная, состоитъ изъ 104 знаковъ, а можетъ быть и болѣе; вслѣдствіе разрушенія породы въ одномъ мѣстѣ второй половины этой строки, недостаетъ одного знака, но не болѣе, судя по оставшемуся промежутку. Внизу подъ 2-й строкой высѣчено еще 5 знаковъ, но, повидимому, не имѣющихъ никакой связи съ предъидущимъ. Пять знаковъ сдѣланы толстыми бороздами и не такъ тщательно и отчетливо, какъ предъидущіе. Въ древности этихъ письменъ, а также и въ цѣлости ихъ нѣтъ основанія сомнѣваться, хотя и нельзя поручиться за то, что они долго просуществовали въ такомъ видѣ; уже и теперь между древними знаками можно замѣтить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ царапины и бороздки позднѣйшаго происхожденія, но онѣ легко отличимы, потому что современный художникъ, стараясь копировать древнюю лѣтопись, не имѣлъ ни того искусства и терпѣнія, чтобъ углубить достаточно борозды и сдѣлать ихъ столь же тщательно. Дополненіе (б) къ рисунку № 1 составляетъ продолженіе надписи, снятой послѣ г. Адріанова инженеромъ Боголюбскимъ. Недалеко отъ описанныхъ надписей, но и не находясь съ ними ни въ какой видимой непосредственной связи, *вырѣзанъ кругъ* (табл. № 2), въ незамкнутую нижнюю часть котораго входитъ прямой уголъ, отверстіемъ обращенный внизъ. Въ углу вырѣзано подобіе трехугольной шляпы, на дно которой поставленъ крестъ, а внутри круга, слѣдуя по его окружности, вырѣзано 13 знаковъ наподобіе цифръ на часовомъ циферблатѣ. На другой грани, образующей входящій уголъ скалы, также совершенно отвѣсной и гладкой, на высотѣ нѣсколькихъ аршинъ надъ головой, находилось до 10 вырѣзанныхъ знаковъ, расположенныхъ, повидимому, въ безпорядкѣ.

Кромѣ того, особенно обильный матеріалъ, состоящій изъ руническихъ надписей, находится нынѣ въ Минусинскѣ, куда ста-

[1]) Нѣкоторые ученые находятъ что онѣ, наоборотъ, писались отъ правой руки къ лѣвой.

раніями учредителя мѣстнаго музея, г. Мартьянова, были доставлены *курганныя плиты* съ надписями и поступили въ распоряженіе музея. Всѣхъ камней было 5. Всѣ они вытесаны изъ краснаго известковаго песчаника и всѣ съ надписями изъ однихъ и тѣхъ же знаковъ, совершенно тождественныхъ съ знаками, расположенными въ двѣ строки на утесѣ Кàя-бàжи; различіе заключается только въ томъ, что знаки на этихъ камняхъ вдвое или даже втрое длиннѣе кàя-бàжинскихъ знаковъ и сохранились гораздо хуже, какъ потому, что такая горная порода, какъ песчаникъ, способна къ болѣе быстрому разрушенію и вывѣтриванію, чѣмъ слюдистый сланецъ, такъ и потому, что камни эти, всѣ найденные въ Минусинскомъ округѣ, попали въ слишкомъ неблагопріятныя условія для сохраненія ихъ въ цѣлости. Письмена на минусинскихъ камняхъ сильно пострадали; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ знаки уничтожены или частью, или совсѣмъ, — въ другихъ пропали сплошь ряды знаковъ, цѣлыя строки, по которымъ можно только заключить, что тутъ было что-то вюсѣчено, но что именно, разобрать невозможно. Тождественность знаковъ на минусинскихъ камняхъ съ письменами на Кàя-бàжи указываетъ на принадлежность ихъ одному и тому же народу и на обитаніе послѣдняго въ двухъ областяхъ, раздѣленныхъ между собою на сотни верстъ малоприступными и необитаемыми хребтами Саянской горной системы.

Вотъ описаніе хранящихся нынѣ минусинскихъ камней. Одинъ изъ нихъ представляетъ четырехгранную плиту въ 115 сантиметровъ длины, 43 сант. ширины и 37 сант. толщины. Верхняя часть камня отбита; со всѣхъ сторонъ плита обтесана, но съ особенной тщательностью обтесаны 2 противоположныя грани ея, на которыхъ и находятся письмена (таблица №№ 3 и 4). На одной изъ граней (рис. № 3) письмена составляютъ 5 строкъ, а на другой (рис. № 4) 4 строки, причемъ съ правой стороны отъ послѣднихъ сбоку стоитъ отдѣльно одинъ, большій, чѣмъ всѣ другіе, знакъ, служащій какъ бы украшеніемъ, заключающимъ начертанное лѣтописцемъ. Этотъ камень находился въ степи, раскинувшейся на лѣвой сторонѣ Енисея, на площадкѣ, въ 20-ти верстахъ отъ деревни Ачуры и въ 30-ти верстахъ отъ Абакана.

Другой камень представляетъ четырехугольный столбъ длиною въ 200 сант.; сѣченіе его есть площадь квадрата, каждая изъ сторонъ котораго равна 32 сант. На всѣхъ 4-хъ граняхъ столба, довольно правильно и чисто обтесанныхъ, находятся надписи (таб. № 5, 6 и 7), расположенныя каждая въ 4 продольныхъ ряда, отдѣленныхъ другъ отъ друга прямыми бороздами. Къ сожалѣнію, надписи сильно пострадали; на одной изъ граней онѣ уничтожены совсѣмъ и только едва замѣтны; на другой (рис. № 5) грани недостаетъ послѣдней части верхней строки, уничтожена почти вся вторая, а въ третьей и четвертой строкахъ недостаетъ по нѣсколько знаковъ; на третьей грани (рис. № 6) пострадала вся 4-я строка, такъ что стерлись не только знаки, но и глубокія параллельныя борозды, отдѣляющія 3-ю строку отъ 4-й, находящуюся

подъ послѣдней; 4-я грань сохранилась лучше всѣхъ другихъ, но и въ ней недостаетъ нѣсколькихъ знаковъ въ концѣ 2-й и особенно въ 3 й строкѣ (рис. № 7, въ таблицѣ онъ не отмѣченъ цифрою). Описанный камень найденъ былъ стоящимъ въ наклонномъ положеніи на одномъ курганѣ, на лѣвой сторонѣ Енисея, въ 25 вер. ниже впаденія въ него рѣчки Уй. Третій камень представляетъ плиту длиною въ 3 метр. 12 сант., шириной 52 сант., при толщинѣ всего въ 20 сант. Камень обтесанъ весьма грубо и разбитъ на 2 почти равныя половины; порода сильно вывѣтрѣла и на всей поверхности представляетъ множество неровностей и ямчатыхъ углубленій, какъ будто оставшихся слѣдовъ отъ падавшихъ дождевыхъ капель. Въ статьѣ г. Спасскаго „О достопримѣчательнѣйшихъ памятникахъ сибирскихъ древностей", напечатанной въ 12-й книжкѣ Записокъ И. Р. Географ. Общ. (издана въ 1857 г. подъ редакціею П. Небольсина), помѣщено краткое описаніе этого камня и приложенъ рисунокъ съ надписей. Сличивъ свой рисунокъ съ рисункомъ Спасскаго, г. Андріановъ нашелъ, что послѣдній срисованъ несомнѣнно съ того же самаго камня, о которомъ идетъ рѣчь и который нынѣ находится въ Минусинскомъ музеѣ, но во многомъ, однако, разнится отъ нынѣшняго рисунка; разница эта происходитъ не отъ того только, что снимки дѣлались черезъ большой промежутокъ времени (лѣтъ 25). Описаніе этихъ надписей далъ г. Андріановъ въ своемъ отчетѣ и тутъ же указалъ, въ чемъ оно не согласуется съ описаніемъ Спасскаго. На одной изъ широкихъ сторонъ плиты (см. рис. № 8) знаки идутъ въ 3 ряда и заканчиваются одной большой фигурой, служащей какъ бы украшеніемъ, или знакомъ, обозначающимъ окончаніе повѣствованія; въ началѣ нижней 3-й строки знаки высѣчены въ необыкновенномъ безпорядкѣ, вкривь и вкось, и выскакиваютъ изъ строки, вообще идущей неправильно,— одни внизъ, другіе вверхъ. На другой, широкой, сторонѣ камня (рис. № 9, правая сторона) также различаются 3 ряда знаковъ, но въ началѣ они какъ-то спутаны, а именно ясно видно, что сначала идетъ 2 ряда знаковъ, потомъ подъ 5-мъ знакомъ верхней строки появляется другой точно такой же, только меньшей величины, и отсюда прибавилась уже 3-я верхняя строка; нижняя строка короткая, всего изъ 9 знаковъ. На третьей сторонѣ плиты, на одной изъ узкихъ ея граней, высѣченъ только одинъ рядъ знаковъ не болѣе 12-ти (рис. № 9, правая сторона).

Изъ описанія и рисунка Спасскаго видно, что начертанія находятся на одной широкой и 2-хъ узкихъ граняхъ, и притомъ на обѣихъ послѣднихъ въ двѣ строки по два ряда буквъ, что совсѣмъ невѣрно. Въ изображеніи нѣкоторыхъ знаковъ во многихъ мѣстахъ рисунокъ г. Адріанова расходится съ рисункомъ Спасскаго, но это можно объяснить позднѣйшими измѣненіями на поверхности такой рыхлой породы, какъ песчаникъ [1]). Описанная плита найдена

[1]) По свѣркѣ оказалось, что рисунокъ Спасскаго, какъ снятый при прежнемъ состояніи камня, яснѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ позднѣйшій.

была въ 1847 году на одномъ курганѣ, на лѣвомъ берегу Енисея, въ полуверстѣ (или верстѣ, какъ передаютъ другіе) отъ дер. Означенной. Всѣ г. Адріановымъ описанные 3 камня съ надписями были оставлены на храненіе въ Шушинскомъ волостномъ правленіи, по распоряженію Ал. Кастрена, путешествовавшаго въ 1847 году по Минусинскому краю. Здѣсь эти камни валялись по землѣ, частію заваленные разнымъ мусоромъ, а одинъ изъ нихъ служилъ точиломъ для сторожа волости. Ему и подобнымъ консерваторамъ наука обязана тѣмъ, что избавилась отъ труда разбирать письмена на одной изъ сторонъ камня, да частію и на остальныхъ трехъ граняхъ. Въ 1881 году, лѣтомъ, г. Мартьянову, этому неусыпному собирателю и хранителю предметовъ научной важности, удалось добиться того, что какъ эти три камня перевезли изъ Шушинской волости въ Минусинскій музей, такъ и другіе два подобные же. Эти камни слѣдующаго вида. Одинъ изъ нихъ представляетъ плиту длиною въ 1 метръ 83 сант., при толщинѣ въ 20 сант. Камню придана удлиненно-овальная форма, такъ что въ верхней закругленной части ширина плиты равняется 44 сант., а въ нижней части, у основанія, только 30 сант. Плита обтесана гладко и старательно. Надписи находятся на одной изъ широкихъ ея граней и на двухъ ребрахъ. Надписи широкой грани (табл. № 11) расположены въ два ряда по краямъ плиты, въ видѣ рамки, причемъ ряды знаковъ отдѣлены между собой правильной бороздой, слѣдующей параллельно краю плиты [1]). На ребрахъ камня надписи идутъ въ два ряда (табл. № 12, верхнія двѣ строки) и также отдѣлены одна отъ другой бороздой; онѣ такъ написаны, что идутъ какъ бы непрерывно съ лѣваго ребра (нижній рис. № 12) черезъ вершину камня на правое ребро (верхній рис. № 12). Нижняя сторона на одномъ изъ реберъ плиты (рис. № 12, 2-я строка) сильно пострадала, такъ что на немъ только кое-гдѣ видны знаки, да и то наполовину стертые. Описанный камень съ письменами найденъ лежащимъ на курганѣ, на правой сторонѣ Абакана, въ 10 верстахъ отъ деревни Іудиной и въ одной верстѣ отъ озера Алтынь-куль. На томъ же курганѣ почти рядомъ лежалъ другой камень съ письменами, подобный предъидущему. Онъ также представлялъ собою плиту въ 1 метръ 95 сант. длиною, при толщинѣ 20 сант., закругленную сверху, съ тою только разницею, что вышеописанная плита расширялась снизу вверхъ, а эта послѣдняя сверху внизъ (рис. № 13), такъ что ширина плиты у верхняго закругленнаго конца равнялась 37 сант., а у основанія 57 сант. И на этомъ камнѣ, гладко и вообще тщательно обтесанномъ, надписи находились на одной изъ широкихъ граней и на двухъ боковыхъ. На первой онѣ расположены въ два ряда, раздѣленные между собою бороздой совершенно такъ, какъ у предъидущаго камня, и идутъ параллельно краю плиты, въ видѣ

[1]) На рисункѣ наружная рамка соотвѣтствуетъ краю плиты для показанія ея формы.

каймы, но знаки сохранились весьма плохо; такъ на правой сторонѣ совсѣмъ стерлась внутренняя строка на той же сторонѣ плиты, лѣвая сторона камня сохранилась лучше, но и въ ней, въ разныхъ мѣстахъ, то совсѣмъ недостаетъ знаковъ, то стерлись нѣкоторыя части ихъ. На ребрахъ (см. рис. № 14 и 15) надписи идутъ въ три строки, въ три ряда, отдѣленныхъ другъ отъ друга двумя параллельными бороздами. Относительно этихъ боковыхъ надписей приходится сдѣлать такое же замѣчаніе, какое было сдѣлано при описаніи предъидущаго памятника,—письмена, начиная отъ основанія, положимъ, лѣваго ребра (рис. № 15), слѣдуютъ по немъ до верху и, продолжаясь непрерывно черезъ закругленную верхушку, означенную наверху линіями, спускаются по правой узкой грани (рис. № 14) до основанія камня. На рисункѣ они такъ и представлены на одной лентѣ, середина которой, отмѣчена двумя черточками наверху, надъ надписью. На боковыхъ граняхъ письмена сохранились лучше, чѣмъ на широкой сторонѣ, но во многихъ мѣстахъ, всетаки, стерты; пострадала особенно третья сторона лѣваго бока, гдѣ многіе знаки уцѣлѣли только наполовину; во второй и третьей строкѣ правой боковой грани, повидимому, стерты начальные знаки, а въ третьей строкѣ всѣ знаки начертаны въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ всѣ другіе, и очень тѣсно другъ къ другу. Послѣдніе два камня взяты съ кургановъ и перевезены въ деревню Іудину крестьяниномъ послѣдней Е. Ф. Корчаковымъ и минусинскимъ мѣщаниномъ Г. П. Марковымъ, и отсюда уже доставлены въ Минусинскій музей, по хадатайству г. Мартьянова. Вся окрестная мѣстность, гдѣ найдены были эти камни, усѣяна курганами. Г. Адріановъ упоминаетъ еще о двухъ камняхъ съ руническими письменами, которые ему не пришлось видѣть самому, но о которыхъ онъ получилъ довольно опредѣленныя свѣдѣнія. Одинъ такой камень находится между Усть-Таштыломъ и Мопопскимъ перевозомъ на Абаканѣ, въ пяти верстахъ отъ перваго и въ трехъ отъ послѣдняго. Камень стоитъ на возвышеніи и довольно примѣтенъ, но можетъ быть указанъ крестьяниномъ деревни Іудиной Ефимомъ Ѳедотовымъ Корчаковымъ, который доставилъ Минусинскому музею свѣдѣнія о немъ. Рисунокъ № 16-й представляетъ небольшую надпись на отдѣльномъ камнѣ, находящемся по срединѣ сланцовой могилы; камень въ стоячемъ положеніи, съ конусообразнымъ верхомъ; надпись идетъ вертикально; начало и верхъ ея на рис. № 16 съ правой стороны.

Приведя это описаніе, на основаніи отчета г. Адріанова, могущее служить нѣкоторымъ руководствомъ и объясненіемъ при разборѣ письменъ, въ дополненіе къ этому мы считаемъ нелишнимъ привести подробное перечисленіе всѣхъ когда либо видѣнныхъ надписей изъ монографіи сибирскаго ученаго Н. И. Попова „О руническихъ письменахъ въ Минусинскомъ округѣ“.

1) Къ подобнымъ надписямъ на утесахъ относятся, по словамъ Попова: а) надпись неизвѣстнаго письма, уже почти сгладившаяся, едва замѣтная между изображеніями на писаницѣ Трифоновской

(на лѣвомъ берегу Енисея, въ 5 верстахъ отъ деревни Трифоновой, по дорогѣ въ с. Новоселово, на утесѣ, влѣво отъ дороги) [1]). б) Три надписи на лѣвомъ же берегу Енисея, на скалѣ противъ с. Абаканска; о нихъ сообщаетъ свѣдѣнія Спасскій [2]).

Всѣ остальныя надписи этого письма на отдѣльныхъ камняхъ. Сюда принадлежатъ:

2) Извѣстный камень-баба [3]), съ руническими письменами, найденный Страленбергомъ [4]) на холмѣ, между рр. Тесью и Ербой, притоками Енисея съ лѣвой стороны. Въ своихъ замѣткахъ, Титовъ объ этомъ, какъ онъ называетъ, *богатырь-камнѣ* сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія. Этотъ истуканъ, высѣченный изъ пестраго песчаника, находится влѣво отъ дороги изъ села Усть-Ербы въ деревню Тесь, въ 2 верстахъ отъ заимки Роспаревой. Стоитъ на западномъ склонѣ холма лицомъ на востокъ. Кругомъ истукана разбросано нѣсколько могилъ недревнихъ (киргизскихъ), а на сѣверъ отъ него 2 древнихъ кургана (такъ называемые „чудскіе“), уже разрытые, но съ уцѣлѣвшими камнями, ихъ окружающими: одинъ обставленъ 16-ю, а другой 18-ю камнями, врытыми широкими сторонами на югъ и сѣверъ, ребрами на востокъ и западъ. Но истуканъ стоитъ не на курганѣ, а на ровной площадкѣ, выложенной небольшими плитками краснаго песчаника, т. е. на одной изъ могилъ, извѣстныхъ здѣсь подъ именемъ „сланцевъ“. Вышина истукана 2 аршина 10 вершковъ, ширина до $^3/_4$ аршина, толщина до $^1/_4$ аршина. На головѣ истукана круглая шапочка съ откинутымъ назадъ, закругленнымъ удлиненіемъ (хвостомъ); носъ отломленъ пастухами, но видно, что онъ былъ пропорціоналенъ лицу, круглому и плоскому; большіе глаза, большой открытый ротъ; подбородокъ и уши, очевидно, были отдѣланы тщательно, но въ настоящее время едва замѣтны; руки правильно согнуты, и въ нихъ истуканъ держалъ какую-то вещь, но какую—нельзя разобрать (вѣроятно, чашечку): время и люди ее сгладили. На спинѣ истукана, въ два ряда, вдоль камня, сверху донизу, были высѣчены буквы, похожія на тѣ, какія и на камнѣ, взятомъ отъ деревни Означенной въ Шушинское волостное правленіе; но истуканъ вывѣтрился отъ непогодъ, оббитъ, и многія буквы такъ стерлись, что едва замѣтны только нѣкоторыя черты ихъ; потому и на рисункахъ Страленберга и Клапрота многія изъ нихъ были обозначены одними намеками, въ видѣ легкихъ чертъ. Ежегодно въ Николинъ день, 9-го мая, крещеные и некрещеные татары пріѣз-

---

[1]) Изв. Сиб. Отд., т. III, № 5, стр. 276.

[2]) *Спасскаго*, Сиб. Вѣст., 1818, ч. 1. «Начертанія», стр. 10—11, таб. II, № 1, 2, 3.

[3]) Изв. Сиб. Отд., т. 11., № 4. «Каменныя бабы», стр. 59, баба № 5-й.

[4]) *Страленбергъ*, Das Nord-und Östliche Theil von Europa und Asien, § 397, tab. XII. cf. *Клапрота*, Mémoires relatifs à l'Asie, t. 1, pag. 157—171, tab. III. Или: въ Journal Asiatique, 1823, t. II, p. 4, pl. 1, fig. 2.—Есть изображеніе въ замѣткахъ *Титова*.

жаютъ изъ разныхъ мѣстъ къ истукану, садятся кругомъ его, пьютъ айранъ и угощаютъ имъ истукана.

3) Намогильный камень съ такими же письменами, найденный Палласомъ противъ устья рѣки Тубы, на лѣвой сторонѣ Енисея [1]).

4) Камень съ письменами, который видѣлъ Страленбергъ на небольшомъ курганѣ, между рѣками Беей и Ниней, притоками Уйбата съ правой стороны, впадающаго въ Абаканъ съ лѣвой [2]).

5) Камень-баба съ изображеніемъ человѣка на одной сторонѣ и съ руническою надписью на другой. По свидѣтельству Клапрота, онъ находился на небольшомъ возвышеніи недалеко отъ Уйбата [3]).

6) Камень съ однѣми надписями тамъ же, около Уйбата, въ 15 верст. отъ устья.

7) Другой подобный не въ далекомъ отъ него разстояніи.

8) Камень съ надписями на правомъ берегу рѣки Камышты (притокъ Абакана съ лѣвой стороны).

9) Подобный камень на лѣвой сторонѣ Енисея, въ 8 верстахъ выше Саянскаго острога, очень недалеко (въ полуверстѣ) отъ деревни Означенной.

Всѣ послѣдніе четыре камня (№№ 6, 7, 8, 9) съ руническими письменами видѣлъ Палласъ [4]).

10) Надпись на камнѣ, поставленномъ на большомъ курганѣ. Спасскій, не означая ясно, гдѣ именно камень находился, говоритъ, однакожъ, о немъ слѣдующее: „Сей камень находится на юго-восточной сторонѣ кургана и состоитъ изъ простой песчаниковой плиты безъ всякой обработки; высоты имѣетъ до 5 арш., ширины 2 и толщины $^1/_2$ арш. Знаки высѣчены на наружномъ гладкомъ боку камня, въ два ряда по длинѣ его. Они покрылись уже отчасти мохомъ и для глаза мало видимы; но можно хорошо отличить ихъ осязаніемъ руки“ [5]).

Описаніе Титовымъ *богатыря-камня* и это описаніе—почти единственныя нѣсколько подробныя описанія камней съ надписями. Такія мы рѣдко встрѣчаемъ у путешественниковъ, обыкновенно скупыхъ на подробности.

11) Уцѣлѣли ли всѣ эти памятники руническаго письма до настоящаго времени—не знаемъ. Но извѣстно, что Кастренъ, лѣтомъ 1847 года путешествовавшій въ степяхъ Качинской (между Уйбатомъ, лѣвой стороной Абакана и Енисеемъ), Сагайской (между рѣками Уйбатомъ и Аскызомъ) и Койбальской (между правой стороной Абакана и Енисеемъ), пробовалъ было, по указаніямъ Пал-

---

[1]) *Палласъ*, Neue nordische Beiträge, Bd. V. Также у *Спасскаго*, с. 1, таб. III, № 4; у *Титова*, таб. 2, № 4.

[2]) *Страленберга*, с. 1, § 318, tab. V, cf. *Клапротъ*, въ Journal Asiatique, c. 1, p. 4.

[3]) *Клапротъ*, ib., pl. 1. fig. 1, cf. Mémoires его, tab. 11. Извѣстія Сиб. Отд., т. II, № 4, стр. 59, баба № 6.

[4]) *Палласъ*, Neue nordische Beiträge, Bd. V. Ср. у *Спасскаго*, с. 1, стр. 12, таб. III, № 1, 2, 3, 5. У *Титова*, таб. 2 № 1, 2, 3, 5.

[5]) *Спасскій*, с. 1, стр. II, таб. II, № 5.

ласа и Спасскаго, отыскать руническія надписи на камняхъ въ 15 верстахъ отъ *устья* рѣки Уйбата [1]), ѣздилъ изъ улуса въ улусъ, разспрашивалъ стараго и малаго, но никто ничего не могъ сказать ему объ этихъ надписяхъ. „Онѣ,—говоритъ онъ,—едва ли и отыщутся; потому что, по всей вѣроятности, курганы разрывали уже и при этомъ засыпали камни землею. Отрывать же ихъ нужно потратить и времени и денегъ больше, чѣмъ могу“ [2]). На другой день своихъ поисковъ онъ, правда, нашелъ на одномъ намогильномъ камнѣ нѣсколько вырѣзанныхъ фигуръ (einige eingeritzte Figuren), но рѣшительно отличныхъ отъ приведенныхъ Спасскимъ [3]). Впрочемъ, изъ писемъ его къ Шёгрену узнаемъ, что онъ нашелъ и списалъ здѣсь нѣсколько другихъ, настоящихъ надписей: двѣ изъ нихъ, по собственнымъ его словамъ, онъ препроводилъ къ оріенталисту Френу, интересовавшемуся минусинскими надписями, именно, одну монгольскую, снятую съ знаменитой скалы близь села Абаканска, а другую *руническую*, съ намогильнаго камня въ Качинской степи, около Уйбата [4]).

12) Въ другомъ письмѣ къ Шёгрену, изъ Шуши, отъ 15-го (27-го) іюня 1847 г., онъ писалъ о занятіяхъ своихъ въ Койбальской степи: „въ настоящее время я занятъ разборомъ *камня, покрытаго фигурами, весьма похожими на буквы*. Къ сожалѣнію, фигуры эти во многихъ мѣстахъ такъ вывѣтрились, что трудно и различить ихъ. Ссыльный инженерный офицеръ помогаетъ мнѣ срисовывать. Досадно только, что предложенный академіей методъ (посредствомъ пропускной бумаги) тутъ неприложимъ. По моему мнѣнію, надпись эта такъ замѣчательна, что ее стоило бы выписать для этнографическаго музея и въ оригиналѣ. P. S. Проработавъ цѣлую недѣлю, я срисовалъ вышеупомянутую надпись какъ нельзя вѣрнѣе. Способъ, при этомъ мною употребленный, кажется, лучшій для здѣшнихъ надписей: я обвожу каждую фигуру черною краскою, а остальныя части камня покрываю бѣлою краскою, и снимаю надпись на прозрачную бумагу (durch transparantes Papier)“ [5]). Изъ письма не видно, гдѣ именно въ Койбальской степи былъ найденъ этотъ камень; но князь Костровъ, по порученію начальства производившій разслѣдованіе его, думаетъ, что это тотъ самый, который видѣлъ Палласъ у деревни Означенной и списалъ, но невѣрно [6]); изъ письма же Кастрена можно догадываться, что онъ занимался копированіемъ

[1]) *Кастрена*, Reisebericht, S. 312: «Ungefähr 15 Werst oberhalb der *Mündung* des Uibat»—въ рус. переводѣ (Магаз. землевѣд. Фролова, т. VI, ч. 2, стр. 385) неточно передано: «верстахъ въ 15 выше *истоковъ* Уйбата».

[2]) Ib., S. 313—314.

[3]) Ib., S. 313.

[4]) *Кастрена*, ib. S. 363, cf. 375. Академикъ Шифнеръ, при изданіи писемъ Кастрена въ 1856 г., замѣчаетъ при этомъ: обѣ копіи посланы Ковалевскому въ Казань, для объясненія, по крайней мѣрѣ, одной, очевидно, монгольской (ib.).

[5]) Ib., S. 352—353.

[6]) Извѣстія Археол. Общ., 1859 г., т. I, вып. 3, стр. 169.

уже въ Шушѣ, а Костровъ, вѣроятно, на основаніи показаній очевидцевъ, прямо утверждаетъ, что именно Кастренъ распорядился перевезть его въ село Шушинское [1]). Поэтому у нашихъ археологовъ онъ и слыветъ подъ именемъ *шушинскаго*, или *кастреновскаго*, и находится донынѣ при Шушинскомъ волостномъ правленіи, на крайнемъ юго-западѣ Минусинскаго края, въ мѣстѣ глухомъ, отдаленномъ, посѣщаемомъ развѣ чиновниками да купцами. Камень этотъ, твердый сѣрый гранитъ, имѣетъ видъ грубо обтесаннаго параллелепипеда, длиною въ 3 арш., шириною въ $10^1/_2$ верш., толщиною въ 5 верш. На трехъ сторонахъ (4-я безъ надписи) его вырѣзаны какія-то буквы глубиною въ 2—3 линіи: на верхней сторонѣ 3 строки буквъ, на бокахъ по двѣ; на одномъ боку недостаетъ болѣе половины строки, отъ поврежденія самаго камня въ этой части. Всѣ эти строки, повидимому, идутъ горизонтально, но, судя по нѣкоторымъ повтореннымъ въ нихъ вверху и на бокахъ буквамъ, не вездѣ направлены въ одну сторону [2]). Въ 50-хъ годахъ, по порученію сибирскаго Отдѣла русскаго географическаго Общества, какъ извѣстно изъ дѣлъ его архива, иркутскіе топографы приготовляли для академіи наукъ нѣсколько самыхъ точныхъ снимковъ съ этого камня въ натуральную величину.

13 и 14) Шушинскій камень возбудилъ въ ученомъ мірѣ общее любопытство и привелъ къ открытію тамъ же, въ Койбальской степи, *двухъ* другихъ камней съ подобными руническими надписями. Это, во-первыхъ, камень, найденный на лѣвой сторонѣ Енисея, верстахъ въ 25 отъ впаденія въ него рѣки Уи (или Ои). Онъ стоялъ на небольшомъ курганѣ въ нѣсколько наклонномъ положеніи. Форма его—неправильный четыреугольникъ; длина 2 арш. 11 верш., ширина 11 верш., толщина 8 верш. Письмена вырѣзаны глубиною до 2-хъ линій, на двухъ противоположныхъ сторонахъ камня [3]). Другой изъ нихъ найденъ былъ тамъ же, въ Койбальской степи, на лѣвой сторонѣ Енисея, въ 20 верстахъ отъ деревни Очуры, въ 25 верстахъ отъ деревни Калы и въ 30 верстахъ отъ рѣки Абакана, посреди ровной могильной площадки, составляющей почти квадратъ, по $4^1/_2$ саж. въ каждую сторону, обставленный, по обыкновенію, плитнякомъ, выходящимъ на поверхность земли на $1^1/_2$ арш. Камень имѣетъ форму продолговатаго ромбоида; длина $1^3/_4$ арш. Буквы находятся на трехъ сторонахъ

---

[1]) Тамъ же. Отъ деревни Означенной до деревни Шуши (обѣ на Енисеѣ) верстъ до 50-ти.

[2]) Тамъ же, стр. 169. Ср. у Спасскаго, въ ст. *Достоприм. памятники сиб. древн.*, въ Зап. Археол. Общ., 1857 г., кн. XII, стр. 158. Впрочемъ, размѣры камня у него нѣсколько отличны: шир. 12 вер. (вм. $10^1/_2$), толщ. $3^1/_2$ верш. (вм. 5). И у Титова онъ описанъ нѣсколько иначе: состоитъ изъ продолговатой глыбы *краснаго песчанника*, длиною *до* 4 арш., шириною отъ 8 до 12 верш., толщиною до 4 верш.—Рисунокъ см. у Спасскаго (с. 1.), таб. VI; также у Фролова въ Магаз. Землевѣд., 1854, III, стр. 635, черт. 8 (въ ст. Корнилова).

[3]) Извѣстія Археол. Общ., 1859 г., т. I, вып. 3, стр. 197.

камня; отъ времени многія стерлись, остальныя несовершенно ясны [1]). Впослѣдствіи этотъ камень тоже былъ перевезенъ въ Шушу [2]). Со всѣхъ этихъ трехъ надписей (шушинской, уйской и очурской), снятыхъ въ натуральную величину, археологическое Общество сдѣлало фотографическіе снимки и разослало оріенталистамъ, занимающимся средне-азіатскими письменами, для изслѣдованій и поясненій [3]); но были ли издаваемы въ свѣтъ результаты ихъ изслѣдованія и самыя надписи уйская и очурская—намъ не извѣстно.

Наконецъ, 15) памятникъ руническаго письма—это найденный въ могилѣ здѣшняго края обломокъ бронзовой дощечки, или плитки, изображеніе котораго можно видѣть въ сочиненіяхъ Страленберга и Клапрота [4]). По краямъ дощечки—непонятныя письмена, а въ срединѣ китайскій іероглифъ, который Клапротъ читаетъ „Thay“ и переводитъ grand (большой). Клапротъ, не знаю почему, считаетъ этотъ обломокъ частью зеркала (partie d'un miroir) [5]). По мнѣнію Попова, это одна изъ тѣхъ дощечекъ, которыя у китайцевъ, а по примѣру ихъ, какъ увидимъ ниже, и у другихъ средне-азіатскихъ народовъ (киданей, монголовъ), служили знакомъ полномочія, даннаго верховною властью какому либо сановнику, при отправленіи его куда нибудь съ важными порученіями, или давались ханомъ на пиру, въ день своего рожденія, приглашеннымъ престарѣлымъ чиновникамъ—за преклонность лѣтъ и служили такимъ образомъ какъ бы медалями [6]). Сдѣланный здѣсь перечень представляетъ сводъ всѣхъ извѣстныхъ доселѣ надписей этого рода.

Теперь перейдемъ къ попыткамъ объясненія ихъ. Наилучшіе знатоки всемірныхъ языковъ и лучшіе оріенталисты Европы не могли причислить ихъ ни къ одному изъ извѣстныхъ языковъ и ограничились только догадками. Абель-Ремюза выражается осторожно, что онѣ представляютъ обманчивое сходство съ *рунами* и что во всѣхъ основныхъ чертахъ, повидимому, расположены горизонтально отъ правой руки къ лѣвой. Клапротъ, разсматривая

---

[1]) Тамъ же, стр. 224, 246.

[2]) Тамъ же, стр. 224.

[3]) Тамъ же, стр. 246.

[4]) *Страленберга*, Das Nord. u. s. w., tab. V. *Клапрота*, Mémoires etc., t. 1, fig. 157—171, tab. III, cf. Journal Asiatique, 1823, t. II, ql. fig. III.

[5]) *Клапротъ*, въ Journal Asiaque, c. l., pag. 14.

[6]) См. «Пайзе, или металлическія дощечки съ повелѣніями монгольскихъ хановъ», *Банзарова*, въ Зап. Археол. Общ., т. II, стр. 72—97. Пер. на нѣм. въ Mémoires de la société Impér. d'archeologie, t. V, p. 328—339 и t. VI, p. 441—448, подъ заглавіемъ. «Paise, oder Metallplatten mit den Befehlen der mongolischen Chane, als Inschrift». Также: «О монгольскомъ и китайскомъ пайзе», *Савельева* и *Леонтьевскаго*, въ Труд. Вост. Отд. Археол. Общ., 1856 г., ч. II, стр. 161—167, и въ Извѣст. Археол. Общ., 1859, т. I, вып. 3, стр. 217—223, статья *Васильева*: «Китайскія медали за преклонность лѣтъ и пиршества старцевъ». Къ этой же литературѣ относится «Объясненіе древней монгольской надписи на чугунной дощечкѣ, доставленной въ Императорскую академію наукъ г. Винокуровымъ», сдѣланное А. М. Поздѣевымъ въ 1881 году. *Авт.*

характеръ этихъ надписей, говоритъ, что нельзя не признать, что онѣ имѣютъ скорѣе видъ европейскій, чѣмъ азіатскій (ils ont plutôt un air européen qu'asiatique). Здѣсь легко можно узнать нѣкоторыя буквы греческія и славянскія (Journal Asiatique, 1823, t. II, p. 5). Байеръ и Тихзенъ видѣли въ нихъ сходство съ древними кельтскими и готоскими письменами. Тихзенъ даже согласно этой догадкѣ пробуетъ изъ знаковъ, находящихся на одной Палласовой надписи составить слоги: alchytyroko-tuk, а 4 послѣдніе знака считаетъ сходными съ индійскимъ числомъ 2112 или готоскимъ слогомъ gigi (Тихзенъ, Schreiben an Pallas u. s. w.; „Сибирскій Вѣстникъ", 1818. Начертанія, стр. 12—13).

Мы не будемъ приводить догадокъ и мнѣній Спасскаго, какъ неспеціалиста. Но Поповъ, обладавшій филологическими познаніями, также при подробномъ изученіи находитъ, что письмена эти весьма близки къ сѣвернымъ рунамъ. Взаключеніе приведемъ еще мнѣніе Абель Ремюза о типахъ древняго письма, свойственнаго нѣкоторымъ восточнымъ племенамъ Сибири.

„Многіе, даже ученые люди,—говорилъ онъ,—привыкнувъ судить о прежнемъ состояніи этихъ странъ по нынѣшнему состоянію, можетъ быть, удивятся, что отыскиваютъ надписи въ землѣ остяковъ, бурятъ и тунгузовъ. Но надобно напомнить имъ, что на этихъ мѣстахъ нѣкогда обитали многіе разноплеменные народы, и что знаніе письменъ, которыя употребляли они, можетъ разлить величайшій свѣтъ на важные историческіе и филологическіе вопросы. Впрочемъ, ни одно историческое положительное свѣдѣніе не представляетъ намъ доказательствъ, чтобы у народовъ татарскаго происхожденія существовала правильная система собственно такъ называемаго письма за вѣкъ до нашего лѣтосчисленія. Но можно, однакожъ, предполагать и то, что индійцы гораздо еще прежде должны были проникнуть въ сѣверныя страны. Вѣроятно, что съ народами Сѣверной Татаріи (подъ Татаріей Абель Ремюза разумѣетъ полосу земли отъ Каспія до Восточнаго океана, т. е. Среднюю Азію) имѣли сношеніе сперва персы, потомъ греки бактрійскіе; безъ сомнѣнія, и торговля желѣзомъ, шелкомъ и другими произведеніями восходитъ до отдаленнѣйшихъ эпохъ, а отысканіе слѣдовъ ея было бы чрезвычайно любопытно. Съ другой стороны, татарамъ приписываютъ употребленіе письма, которое по начертанію должно было имѣть сходство съ сѣверными рунами, и это письмо, безъ сомнѣнія, было въ употребленіи у того поколѣнія индо-готоовъ, которое у китайцевъ извѣстно подъ именемъ у-сунь и которое за сто лѣтъ до Р. Х. обитало въ земляхъ, лежащихъ къ западу отъ Иртыша и озера Зайсана". Этимъ племеннымъ сродствомъ у-суней съ индо-германцами впослѣдствіи отатарившихся, онъ объясняетъ введеніе въ тюркскій языкъ вспомогательныхъ глаголовъ и сложныхъ временъ. „Весьма важно было бы знать,—присовокупляетъ онъ,—дѣйствительно ли до восточныхъ странъ дошелъ особенный и извѣстный народамъ скандинавскимъ образъ письма европейскаго. Памятникъ, который бы подтвердилъ это

былъ бы любопытнѣйшимъ открытіемъ“ [1]). Памятники „руническаго“ письма, найденные въ Минусинскомъ краѣ, можетъ быть, одни изъ тѣхъ, открытія которыхъ такъ сильно желалъ Абель Ремюза,—говоритъ Поповъ.

Итакъ всѣ оріентилисты, у кого были въ рукахъ образцы этого письма, приходятъ къ заключенію, что письмо это по типу находится въ прямомъ сродствѣ съ рунами и письмомъ готоскимъ, скандинавскимъ скорѣе, чѣмъ съ китайскимъ, монгольскимъ и позднѣйшимъ уйгурскимъ XII вѣка [2]).

Затѣмъ обратимъ вниманіе, къ какимъ народамъ и племенамъ въ Азіи оно пріурочивается. Мѣстонахожденіе надписей именно того типа, образцы котораго мы выставили, находится на скалахъ Минусинскаго округа, на Усѣ, Эрбѣ и т. д. и южнѣе Саянъ на Кемчикѣ. Надписи эти находятся не только на скалахъ, но и ими исписана каменная баба, описанная Страленбергомъ; онѣ находятся и на надгробныхъ камняхъ, затѣмъ надпись такая же найдена на серебряной дощечкѣ вмѣстѣ съ китайской буквой. Клапротъ старался объяснить китайскій знакъ словомъ Танъ и подобно ему же разгадывать руническую надпись. Дощечка эта объяснена, также какъ пайзе, или знакъ уполномочія посланнику. Подъ названіемъ Танъ должно разумѣть китайскую династію Тханъ (618—907 г. по Р. Х.), господствовавшую въ то время, когда хакасы вели сношенія съ китайцами. Для насъ дощечка съ рунами и китайскимъ знакомъ пока имѣетъ одно вѣрное свидѣтельство, что народъ, которому принадлежала таинственная письменность, имѣлъ сношеніе съ китайцами, и что одновременно онъ ставилъ каменные монументы [3]). Мѣста, гдѣ находятся эти надписи, какъ извѣстно, были обиталищемъ народа хакасъ или хакясъ. Хакасы, кіень-куенъ или киликидзе (киргизы?) извѣстны были китайцамъ съ 97 г. до Р. Х. Народъ этотъ не монгольскій, но, какъ думаютъ, индогерманскій, ибо онъ описывается китайцами, какъ народъ бѣлокурый, голубоглазый, онъ имѣлъ извѣстную культуру, земледѣліе и обширныя торговыя сношенія. Женщины носили платья изъ шелковыхъ матерій, получаемыхъ изъ Ань-Си (Кучи къ востоку отъ Аксу по Риттеру), Вай-тхинъ (Біей-динъ за Урумчи, по Іакинѳу) и Дахя (Кабулистанъ и часть Бухары). Государство это было въ дружественныхъ связяхъ съ Даши, Турфанью и Гэлолу. Хакасы имѣли, какъ сообщаютъ китайцы, и свою письменность, общую съ *хой-ху* (уйгурами). Поэтому Риттеръ, Висдэлу и самъ Клапротъ

[1]) *Ремюза*, Journal des Savants, 1822, octob. Перев. въ дополненіяхъ у Спасскаго, с. 1. 172—173. Cf. Recherches sur les langues tartares, cap. VI, turk. orient, p. 306.

[2]) Есть предположеніе, что это письмо древне-уйгурское, возникшее ранѣе XII вѣка, но мы коснемся этого предположенія ниже.

[3]) Намъ кажется преждевременнымъ присваивать эту дощечку съ рунами непремѣнно хакасамъ. Съ китайцами имѣли сношенія и другіе народы. Половина предполагаемаго китайскаго знака не сохранилась на пайзе. Настоящія пайзе, открытыя въ Минусинскомъ округѣ (нынѣ всѣхъ пайзе найдено 5), отличаются отъ указаннаго.

склонились къ тому мнѣнію, что надписи на скалахъ есть хакасское письмо (см. „Supplement à la bibliothèque orientale d'Herbelot", édition de la Haye, in-4°, page 174 et suiv.) и въ то же время древне-уйгурское (такъ какъ древнее письмо уйгуръ до XII в. неизвѣстно).

Но такое убѣжденіе нимало не подвинуло чтенія надписей. Сами хакасы были племя загадочное, смѣшавшееся съ тюркскимъ (Клапротъ). Изъ китайскаго описанія, по нѣкоторымъ словамъ ихъ, можно догадываться, что они говорили тюркскимъ языкомъ, но ни тюркскій языкъ, ни уйгурскій пока не далъ ключа къ разгадкѣ надписей [1]).

Клапротъ не могъ не предвидѣть, однако, нѣкоторыхъ возраженій на свою гипотезу. „Жаль,—говоритъ онъ,—что китайскіе писатели не даютъ намъ никакихъ подробностей относительно буквъ хакасовъ или киргизовъ; но я думаю, что мы ихъ *открыли* въ надписяхъ южной Сибири, между Обью и Енисеемъ, гдѣ жили восточные киргизы (хакасы) съ Р. Х. до начала XVIII вѣка (хакасовъ китайцы звали киликидзе), ибо какому народу можно усвоять (присвоивать) эти надписи, какъ не тому, въ отечествѣ котораго онѣ находятся?" (Мы не понимаемъ, почему рѣшено, что здѣсь жили только хакасы, а почему до нихъ не были эти мѣста отечествомъ другаго народа. Хакасы, какъ говорятъ, отуречились, но, значитъ, они имѣли ранѣе какой-то особый языкъ. Затѣмъ, какъ объяснить сходство уйгурской азбуки съ европейскими и скандинавскими рунами? Все это еще вопросы). „*Единственное препятствіе* и препятствіе *правдоподобное* (specieuse),—продолжаетъ Клапротъ,—которое можно противопоставить этой догадкѣ,—это *форма буквъ, не имѣющая ничего азіатскаго.* (Возраженіе дѣйствительно вѣское „specieuse"). „Однако я не вижу причины,—говоритъ знаменитый ученый,—почему бы письмена хакасовъ не могли произойдти отъ алфавитной системы европейской, такъ какъ письмена монголовъ и маньчжуровъ, царящихъ и царившихъ на берегахъ Восточнаго океана, имѣютъ же вѣдь начало въ Сиріи и съ береговъ Средиземнаго моря" [2]) (Клапротъ, Journal Asiatique, 1823, t. II, p. 10—11).

На основаніи сношеній хакасовъ съ отдаленными странами Азіи и Европы Клапротъ, а за нимъ и изслѣдователь сибирскихъ

---

[1]) О языкѣ хакасовъ остались свѣдѣнія у китайцевъ, которые приводятъ нѣсколько названій: бій, ай, яланъ, доказывающихъ, что они говорили татарскимъ языкомъ. «Письмо ихъ и языкъ совершенно сходны съ ойхорскимъ»,—говоритъ китайскій лѣтописецъ. Уйгуры притомъ покоряли хакасовъ. О. Іакинѳъ дѣлаетъ догадку, что хакасы въ сношеніяхъ съ китайцами употребляли ойхорскій языкъ, какъ имъ наиболѣе понятный. Кромѣ татарскихъ словъ, однако, встрѣчаются въ названіяхъ хакасовъ и слова финскія и самоѣдскія, которыя приводитъ Шотъ.

[2]) Теряясь въ догадкахъ, А. Ремюза также дѣлалъ предположенія, что въ Татаріи могли оставить слѣды сиріяне съ азбукой, которой буквы сходствуютъ съ такъ называемымъ письмомъ «странгело», или съ буквами, бывшими у несторіанъ и якобитовъ, т. е. съ сиро-халдейскими.

рунъ послѣ Спасскаго Н. И. Поповъ строятъ предположеніе, что древняя европейская и даже славянская азбука перешла на Востокъ къ татарамъ чрезъ хазаръ (Клапротъ, Journal Asiatique, 1823, t. II, p. 12). Что касается хазаръ, то тотъ же Клапротъ предполагаетъ, что *славянская азбука* перешла къ нимъ во время путешествія къ нимъ миссіонеровъ Кирилла и Меѳодія. „*Вѣроятно*, Кириллъ,—говоритъ Клапротъ,—прежде изобрѣтенія азбуки для болгаръ и моравовъ, сослужилъ подобную же службу и хазарамъ, давъ имъ письменность, а можетъ быть, одинъ изъ этихъ алфавитовъ (славянскій) есть только видоизмѣненіе хазарскаго".

Поэтому говорятъ ничего нѣтъ удивительнаго, что у минусинскихъ хакасовъ замѣчается сходство съ славянскими буквами. Точно также объясняется сходство минусинскихъ рунъ съ готѳскими письменами чрезъ перенесеніе ихъ съ *запада на востокъ*. Готѳская азбука, изобрѣтенная епископомъ Ульфиломъ, взята изъ буквъ греческихъ, а отчасти германскихъ руническихъ письменъ. Въ VII столѣтіи сосѣдями готѳовъ являются хазары, овладѣвшіе Тавридою Но у готѳовъ долго сохранялся свой языкъ, чему служатъ свидѣтельства Вильфрида Сграбона въ IX вѣкѣ.

Въ Малой Скиѳіи у томитянъ пребывалъ епископъ Ульфилъ. Готѳская азбука сходилась съ славянской. И вотъ новое объясненіе сходства съ письмомъ хакаскимъ, такъ какъ во времена могущества своего хакасы могли сноситься съ южными предѣлами Россіи. Таковъ послѣдній выводъ и сводъ всѣхъ изысканій, сдѣланный о минусинскихъ рунахъ и родствѣ ихъ съ европейскими. Мы не будемъ вдаваться здѣсь въ оцѣнку этихъ предположеній, подлежащихъ весьма строгой критикѣ. На сношеніяхъ хакасовъ съ отдаленными племенами можетъ быть построено одинаково сходство письма съ сирійскимъ, какъ съ персидскимъ, арабскимъ, такъ и славянскимъ. Замѣтимъ, однако, что азбука и письмо не такъ легко переносятся въ страны, какъ товаръ; затѣмъ мы должны указать на разстоянія, отдѣлявшія хакасовъ, жившихъ на берегахъ Енисея и въ вершинахъ его, отъ южной Россіи, крымскихъ готѳовъ и хазаръ. Между ними находился еще цѣлый рядъ народовъ и племенъ. Второе возраженіе можетъ быть сдѣлано то, что письмо уйгуровъ, какъ и древнія готѳскія и славянскія руны, имъ предшествовавшія, позднѣе изобрѣтенной азбуки, остаются неизвѣстны, чтобы утверждать ихъ тождество съ хакасскимъ. Минусинскія письмена часто пріурочиваются и къ другимъ азбукамъ и письменамъ. Нѣкоторые предполагали здѣсь просто *тамги* татарскія (хотя это не тамги, а цѣлыя слова). Въ этихъ знакахъ пробовали находить сходство со знаками, которые встрѣчаются у вотяковъ и вогуловъ, значитъ съ финскими. Извѣстный этнографъ Тейлоръ сходство нѣкоторыхъ знаковъ объяснялъ сассанидскими. Словомъ, эти знаки относятъ, по произволу, куда угодно.

Есть ли это тюркскій или уйгурскій языкъ, легче всего могутъ раскрыть знатоки древнихъ татарскихъ языковъ, хотя бы даже буквы и знаки были заимствованы у другаго народа. Угадать языкъ, на

которомъ говорили писавшіе, представляется весьма важнымъ, поэтому здѣсь нелишни и историческія соображенія о племенахъ, которымъ могъ этотъ языкъ принадлежать.

По типу письма уже констатировано, что это образъ письма близкій къ руническому, т. е. къ первобытнымъ письменамъ, оставшимся у скандинавовъ (образцы рунъ сѣверныхъ, брахтеатовъ, золотаго рога и англо-саксонскія приложены къ изслѣдованію Попова), они же напоминаютъ и готѳскія или первообразъ готѳскихъ [1]).

Прежде чѣмъ переносить европейскія азбуки съ Запада къ хакасамъ на Востокъ, не мѣшаетъ, однако, обратить вниманіе на народы, которые жили въ сосѣдствѣ хакасовъ, и не можетъ ли это сосѣдство пролить нѣкоторый свѣтъ на письмена въ земляхъ хакасовъ. Мы видимъ, что къ югу отъ хакасовъ жили уйгуры, на западѣ, въ Алтаѣ, дулгасцы. О дулгасскомъ письмѣ китайскій историкъ говоритъ, что письмо дулгасское походитъ на тюркское. „Буквы письма ихъ походятъ на буквы народа ху.“ Это мѣсто,—говоритъ Іакинѳъ въ примѣчаніи,—намекаетъ на происхожденіе ойхорскаго, т. е. древняго монгольскаго письма. Тюрки названы китайскимъ словомъ ху, которое косвенно относится къ афганистанцамъ и аравитянамъ [2]).

На земляхъ дулгасцевъ въ Алтаѣ мы, однако, не встрѣчаемъ письменъ подобно хакасскимъ, но на бухтарминскихъ камняхъ есть надписи другаго рода и писанныя краской, а не вырѣзанныя (онѣ помѣщены у Спасскаго). Знаки эти напоминаютъ скорѣе *бирки*, счетъ чего-то, и около нихъ стрѣлы. Въ китайскомъ описаніи говорится, что дулгасцы количество требуемыхъ людей, лошадей, податей и скота считаютъ по зарубкамъ на деревѣ (которыя могли сохраниться и на камнѣ). Вмѣсто предписанія употребляютъ стрѣлу съ золотымъ копытцемъ. Именно такіе знаки и сохранились на Иртышѣ, близъ Бухтарминска (табл. VII, рис. Спасскаго). Этотъ родъ письма доказываетъ, что въ этотъ періодъ письмо „ху“, или тюрковъ, стояло на весьма низкой степени, что подтверждаетъ и описаніе быта дулга. Настоящее уйгурское письмо также изобрѣтено впослѣдствіи. Уйгуры и дулга, кромѣ того, имѣли родство и находились подъ сильнымъ монгольскимъ вліяніемъ. Тюрки и татары составляли также иную вѣтвь отъ индо-европейцевъ, поэтому приписывать имъ эту азбуку едва ли возможно.

Затѣмъ обратимъ вниманіе на другіе сосѣдніе народы. Сами хакасы не были чистымъ племенемъ, какъ пишутъ китайскіе

---

[1]) По имѣющимся образцамъ видно, что въ минусинскія руны входитъ *вся азбука* скандинавскихъ рунъ (онѣ тождественны); кромѣ того, встрѣчаются буквы славянскія и буквы готѳскія и греческія, и также много другихъ знаковъ, какъ будто это былъ алфавитъ и первообразъ индо-европейской азбуки.

[2]) Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена. Сочиненіе монаха Іакинѳа. Ч. I-я, отд. III. Сяньби, стр. 269 и примѣч.

историки, и жили смѣшанно съ динь-линями, и носили названіе ки-ку, кинь-ву. Динь-лини было древнѣйшее племя, извѣстное за 100 лѣтъ до Рожд. Хр.; по китайскимъ показаніямъ, оно распространялось до восточныхъ береговъ Байкала и жило къ сѣверу отъ усуней въ странахъ, орошаемыхъ Обью и Иртышемъ, къ сѣверо-западу и сѣверу отъ Согдіаны. На языкѣ усуней они назывались „старѣйшіе“. Близъ Байкала они были покорены въ концѣ III-го вѣка до Р. Х. народомъ гіунгъ-ну (тюркскимъ). Въ 65 г. до Р. Х. они освобождаются отъ нихъ и ведутъ съ ними войну. Динь-лини восточные также до 507 г. послѣ Р. Х. составляютъ могущественный народъ, но вторженіе гіунгъ-ну и народа жун-жуй оттѣснило ихъ и они слились съ хакасами. Динь-лини, по описанію, былъ народъ бѣлокурый или рыжеватый, имѣвшій голубые глаза (nation blonde ou rousse,—говоритъ Клапротъ). Брюнеты у хакасовъ происходили отъ китайцевъ, блондины отъ динь-линей. Несомнѣнно, что динь-лини имѣли сильное вліяніе на хакасовъ и были частью народа. Что же это были за племена, населявшія среднюю и часть южной Сибири? Одно изъ двухъ: или индо-европейцы, или финны.

О томъ, что къ сѣверу отъ хакасовъ и смежно съ ними жили племена финскія, можетъ быть нѣсколько догадокъ и подкрѣпленій. Есть разсказъ у китайцевъ, что къ сѣверу отъ хакасовъ когда-то жилъ народъ бѣлокурой же расы. Это племя было гораздо сѣвернѣе мѣстожительства индо-европейцевъ, а потому Кастренъ имѣлъ основаніе предполагать въ сосѣдствѣ хакасовъ финновъ. Тотъ же Кастренъ услѣдилъ остатки финновъ и самоѣдовъ по Енисею. До сихъ поръ у соенцовъ видна смѣсь племенъ, и однихъ называютъ черными, а другихъ желтыми. У сибирскихъ татаръ сохранилось преданіе о какомъ-то народѣ „урсассахъ“, которыхъ называли бѣлоглазыми „акъ-корокъ“ (чуть бѣлоглазая). Татары говорятъ, что они были аборигенами до пришествія киргизовъ. Самоѣдское племя несомнѣнно принадлежитъ къ племенамъ алтайскимъ. Въ словахъ хакасовъ, по изысканіямъ Шота, встрѣчаются также и финскія слова, напримѣръ, Кемъ (Енисей), мити-си-та (названіе жилища у хакасскаго хана; оно же самоѣдское названіе юрты) и желѣза *кіяса*. Названія рѣкъ и доселѣ въ Алтаѣ попадаются финскія, и слѣдъ этого народа видѣнъ еще въ живущихъ нынѣ племенахъ. Все это подтверждаетъ, что финны жили южнѣе нынѣшняго ихъ мѣстопребыванія и были древнѣйшими аборигенами края.

Перейдемъ теперь къ другимъ племенамъ, сосѣднимъ хакасамъ.

Къ востоку отъ хакасовъ, на берегахъ Или и близъ озера Иссыкъ-Куля, жило также бѣлокурое племя усуни, съ которымъ китайцы завели сношенія, какъ и съ хакасами. Оно описывается также подробно, какъ и хакасы. Оріенталисты предполагаютъ, что и это племя было индо-европейское. Въ составъ его входило племя юэчжи, а ранѣе на этихъ земляхъ жилъ народъ сэ (саки, которымъ знаменитый Григорьевъ посвятилъ особенное изслѣдованіе).

Народъ юэчжи особенно выдается своей древностью и исторіей;

онъ несравненно важнѣе и стоялъ выше по цивилизаціи, чѣмъ усуни, народъ полукочевой, какъ и хакасы. Свѣдѣнія о народѣ юэчжи (юэчжи по одному правописанію, юети по другому, китайскому) появляются за 141 г. до Р. Х. Предки юэчжи когда-то владѣли частью Китая и Тангутомъ. Разбитые въ 201 г. и покоренные въ 177 г. до Р. Х., они удалились къ западу за Нань-Шань, гдѣ образовали владѣнія Малой Юэчжи. Большіе Юэчжи поселились на берегахъ Или, выгнавъ народъ сэ (саковъ), которые ушли въ Транзаксіану. Усуни, вытѣсненные изъ тѣхъ же предѣловъ, вернулись и оттѣснили юэчжи на востокъ, за Яксатеръ; послѣдніе вторглись въ Транзаксіану и Бактріану, гдѣ они создали могущественную имперію, которая продолжалась много вѣковъ. Впослѣдствіи юэчжи завоевываютъ Кабулъ, Кандагаръ и всѣ земли по обѣ стороны Инда. Древніе присвоиваютъ имъ названіе индо-скиѳовъ. Ихъ столицей была Кіанъ-чи-тчингъ, и ихъ король жилъ къ сѣверу отъ Оксуса, называемый китайцами Кое или Гей (Гей или Вей; Veh—слово зендское, по объясненію Клапрота). Китайскій императоръ Гань ищетъ союза съ юэчжи, но юэчжи не нападаютъ на враговъ китайцевъ, а предпочитаютъ завоеваніе плодоносныхъ долинъ Персіи и Синда. За 25 лѣтъ до Р. Х. Кіу-тсіу-хи, начальникъ орды Куей-Шуангъ, подчиняетъ остальныя 4 орды называетъ себя королемъ всей націи и присвоиваетъ ей имя своей орды Куей или Гей. Онъ нападаетъ на парѳянъ чрезъ Кабулъ. Въ это время могущества владѣнія Юэчжи и Юети или Гей достигаютъ извѣстной высоты цивилизаціи. Ремесленники и купцы являются къ китайцамъ и учатъ ихъ дѣлать цвѣтное стекло, изъ котораго сооружаютъ цѣлый дворецъ (424 г. послѣ Р. Х., Клапротъ, Tableaux histor. de l'Asie, p. 134). Сила и вліяніе этого народа падаетъ въ Средней Азіи въ V вѣкѣ, когда увеличивается монархія сассанидовъ и вторженіе жунъ-жунцевъ турокъ довершаетъ паденіе. Этотъ видный народъ имѣлъ распространеніе до Алтая и до Хатана и получилъ названіе іе-та, онъ простирался до Оксуса, и столица его была Баміанъ, окруженная стѣной и башнями. Іе-ты подчиняли народы до Транзаксіаны и Каспійскаго моря. Между V и VII вѣками они посылаютъ посольства въ Китай. Ихъ языкъ,—пишетъ Клапротъ по китайскимъ показаніямъ,—отличается отъ жунъ-жунцевъ, отъ као-тче (тюрковъ) и всѣхъ другихъ варваровъ. (Tableaux hist. de l'Asie, p. 135—137).

Этотъ народъ вмѣстѣ съ другими индо-европейскими племенами, какъ видимъ, до VII вѣка имѣлъ весьма широкое распространеніе и вліяніе. Указанные народы, какъ-то: юети, саки, усуни и хакасы, были связаны родствомъ. Юети, какъ объяснили новѣйшіе оріенталисты вмѣстѣ съ Абель Ремюза, были готѳы. Названіе „большіе юэчжчи“ у Іакинѳа, да-юети китайцевъ, есть великіе—готѳы или *массагеты* поперсидски [1]). Самъ Клапротъ, на стр. 167,

[1]) Nouveau Mélange Asiatique, I, 220, Абель Ремюза. О скиѳскомъ народѣ сакахъ, Григорьева, 1871, стр. 137.

Tabl. hist., упоминая о народѣ ху-те или ку-те, жившемъ къ сѣверо-западу отъ усуней, причисляетъ его къ отрасли готѳскаго племени.

Вліяніе этихъ племенъ въ Азіи, въ нынѣшнемъ Семирѣчьѣ, Алтаѣ и въ вершинахъ Енисея могло предшествовать тюркскому могуществу и отуреченію алтае-саянскихъ племенъ; несомнѣнно, что сама цивилизація юети была выше монголъ-кочевниковъ и даже кочевниковъ тюрковъ. Уйгуры, какъ сами хакасы и усуни, собственно были кочевники, заимствовавшіе лишь начатки культуры у другихъ. Разгадку многаго, можетъ быть, придется поэтому искать въ этой ранней цивилизаціи, а также здѣсь же и начала письменности. Этимъ же можетъ быть объяснено въ самыхъ тюркскихъ языкахъ вліяніе индо-европейское, наконецъ, самое сходство минусинскихъ рунъ съ готѳскими и европейскими. Едва ли нужно поэтому переносить руны отъ европейскихъ готѳовъ и финновъ къ азіатскимъ народамъ, когда мы видимъ происхожденіе этихъ народовъ изъ Азіи.

Укажемъ еще на связь таинственной письменности съ другими памятниками древности Монголіи, Саяновъ, Енисея, Алтая, Киргизской степи, долинъ Или и озера Иссыкъ-Куля. Мы видимъ, что одна изъ каменныхъ бабъ и монументовъ исписана рунами, какія встрѣчены и на скалахъ; слѣды на другомъ камнѣ съ изображеніемъ также засвидѣтельствованы. Значитъ, письменность эта одновременна каменнымъ бабамъ, остающимся такимъ же загадочнымъ явленіемъ для археологовъ. Въ своихъ изысканіяхъ о распространеніи каменныхъ бабъ на сѣверѣ Азіи мы пришли къ такимъ заключеніямъ. Каменныя бабы встрѣчаются въ сѣверной Монголіи (см. Путешествіе Потанина), далѣе тянутся по Кемчику, встрѣчаются въ Минусинскомъ округѣ, въ Алтаѣ и къ югу отъ него, находятся около Кульджи, около Вѣрнаго, на берегахъ Иссыкъ-Куля, въ Киргизской степи около Балхаша и переходятъ въ южную Россію. Екатеринославская, Таврическая и др. губерніи особенно обильны ими. Каменныя бабы находятся слѣдовательно преимущественно на мѣстахъ, гдѣ жили хакасы, усуни и дулгасцы, гдѣ были ранѣе іеты (геты) и саки [1]).

Разсматривая китайскія показанія о погребальныхъ обычаяхъ разныхъ племенъ, мы не видимъ, однако, никакихъ указаній объ обычаѣ ставить каменныя бабы у хакасовъ, хотя упоминается объ этомъ обычаѣ у дулгасцевъ и нѣчто похожее у уйгуръ. У уйгуръ ставили покойника съ лукомъ въ могилу. Обычай этотъ былъ, какъ видно, весьма древнимъ, и относится къ первобытнымъ вѣрованіямъ шаманизма. Среди современныхъ тюркскихъ племенъ Алтая и Минусинскаго округа, мы его совсѣмъ нынѣ не находимъ. Происхожденіе каменныхъ бабъ относится къ древнѣйшему культу и доисторическому времени на сѣверѣ Азіи, какъ можно предположить, существовавшему ранѣе Рожд. Хр.; иначе китайцы, имѣвшіе древ-

[1]) Каменныя бабы стоятъ на берегу озера Иссыкъ-Куля, гдѣ находятся предполагаемыя развалины усуньскаго города *Чигу*.

нѣйшія сношенія въ это время съ хакасами и усунями, намекнули бы на него, а у хакасовъ подробно описаны всѣ обычаи, исключая этого. Отсюда можно видѣть, что каменные монументы принадлежали народу, предшествовавшему хакасамъ или жившему въ сосѣдствѣ съ ними. О постановкѣ камней мы находимъ только указанія, какъ сказали, у дулгасцевъ, гдѣ камни эти означаютъ число убитыхъ воиновъ. О постановкѣ монументовъ въ честь знаменитыхъ лицъ, однако, есть указанія въ древней исторіи другихъ народовъ; такіе монументы ставили сэ или саки (см. описаніе Григорьева). монументъ былъ поставленъ въ честь царицы Зарины, и Григорьевъ связываетъ это съ постановкой каменныхъ бабъ.

Такой же обычай могъ быть у сосѣдей саковъ и юети. Онъ былъ древнимъ и у китайцевъ у которыхъ существуетъ культъ поклоненія предкамъ. Въ вѣрованіяхъ шаманизма обожаніе и олицетвореніе мертвыхъ и въ тѣсномъ смыслѣ дѣланіе куколъ и изображеній ихъ сохранилось у финскихъ племенъ, какъ у остяковъ и самоѣдовъ (Кастренъ, „Путешествіе“ по Сѣверной Россіи). Дѣланіе куклы въ память покойника было у древнихъ киргизъ-кайсаковъ (Киргизъ-кайсаки, „Сиб. Вѣстникъ“, 1820 г., ч. X, стр. 162—164). Изъ этого можно заключить, что онъ былъ извѣстенъ древнимъ финскимъ племенамъ, и въ томъ числѣ, можетъ быть, динь-линямъ, слившимся съ хакасами, затѣмъ отъ какого-то народа перешелъ къ киргизамъ.

Обычай этотъ могъ быть свойственъ и индо-скиѳамъ, и отъ нихъ перейдти къ дулгасцамъ, хакасамъ и усунямъ. Направленіе и слѣды бабъ въ Монголіи и Тангутѣ указываютъ на то, что онъ былъ извѣстенъ народамъ, шедшимъ изъ Тангута, гдѣ имѣли пребываніе юети. Возможно допустить, что постановка каменныхъ изваяній и камней на могилахъ (хотя обычай дулгасцевъ могъ быть совершенно другаго характера) существовала совмѣстно у многихъ племенъ, начиная отъ Монголіи и кончая южной Россіей. Марцелинъ видѣлъ каменныхъ бабъ на югѣ Россіи уже въ IV вѣкѣ. Рубруквисъ въ XII вѣкѣ встрѣчаетъ обычай постановки пирамидъ и изваяній на могилахъ у комановъ (половцевъ) въ южной Россіи [1]). Такимъ образомъ каменныя бабы передвигаются по мѣрѣ переселенія народовъ отъ Монголіи по вершинамъ Енисея, къ югу Енисейской губерніи, зайсанской котловинѣ, къ Иссыкъ-Кулю и Или; затѣмъ раскиданы въ южной части Киргизской степи, смежной съ Семирѣчьемъ, и наконецъ появляются на югѣ Россіи. Замѣтимъ при этомъ, что типъ этихъ каменныхъ бабъ въ Монголіи, въ Саянахъ, въ Алтаѣ и на озерѣ Иссыкъ-Кулѣ весьма сходственъ. Каменныя бабы, найденныя и срисованныя Адріановымъ на Кемчикѣ, поразительно сходны съ нѣкоторыми найденными около Вѣрнаго. Та же круглая шапочка съ откинутыми назадъ въ

[1]) Замѣчательно, что, по описанію Рубруквиса, на этихъ могилахъ находились развѣшенные черепа и шкуры скота, принесеннаго въ жертву; послѣднее и доселѣ остается у шаманистовъ финновъ и тюрковъ (Алтайская тайга). Такой же обычай существовалъ у скиѳовъ.

видѣ шлема полями, лицо съ усами, открытые, а не узкіе глаза, сумка и украшеніе на поясѣ, въ рукахъ чаша. Лица, нарисованныя на плитахъ, съ усами тѣ же въ Алтаѣ, въ долинѣ Улгана, какъ и на Иссыкъ-Кулѣ. Сосудъ, поддерживаемый обѣими руками на животѣ, принадлежность всѣхъ бабъ отъ Монголіи до южной Россіи. Въ Алтаѣ и на Кемчикѣ встрѣчаются статуи, держащія въ правой рукѣ чашу, а лѣвой держащіяся за мечъ, привѣшенный съ боку. Это доказываетъ, что народъ этотъ имѣлъ усовершенствованное оружіе. Грубоватыя изваянія отъ востока къ западу смѣняются болѣе изящными и наиболѣе совершенными; чаша въ рукахъ доказываетъ ихъ родство съ азіатскими бабами, но костюмъ на югѣ Россіи измѣнился нѣсколько. Сличенія всѣхъ типовъ бабъ еще не сдѣлано доселѣ, но онб можетъ доказать извѣстное тождество. Стало быть, это слѣдъ почти одного или родственнаго племени. Доказано, что эти памятники не принадлежали гуннамъ или монголамъ [1]); далѣе они—слѣдъ довольно продолжительнаго пребыванія племенъ на одномъ мѣстѣ, а не нашествія ордъ. У тюркскихъ племенъ Сибири не сохранилось этого обычая, и въ древнее время онъ принадлежалъ немногимъ тюркамъ, дулгасцамъ, команамъ. Народъ, ставившій каменныя бабы, былъ своеобразенъ и имѣлъ письменность; мѣста, гдѣ остались и уцѣлѣли каменныя бабы, на западѣ Азіи и на югѣ Россіи, это мѣста, гдѣ жили индо-скиѳскія племена и характерная, называемая Клапротомъ „race blonde“, она же отмѣчена китайцами. Что же это за племена въ частности—оставляемъ догадываться на основаніи приведенныхъ историческихъ данныхъ. Надо замѣтить, что связь и родство Скиѳіи на югѣ Россіи съ азіатской Скиѳіей, съ Алтаемъ и Енисеемъ подтверждается и сходствомъ открываемыхъ древностей, что доказываютъ, между прочимъ, скиѳскіе мѣдные котлы.

Не рѣшая вопроса о письменахъ и каменныхъ бабахъ въ Сибири, мы можемъ сказать, что происхожденіе ихъ коренится въ глубочайшей древности, приблизительно до Рождества Христова. Диво, что эти памятники сохранились около 2,000 лѣтъ. Далѣе есть нѣкоторыя основанія предполагать, что они принадлежали на столько же древнимъ финскимъ племенамъ и передвинувшимся готѳамъ и индо-скиѳамъ, какъ и древнимъ тюркамъ, жившимъ въ сосѣдствѣ съ ними.

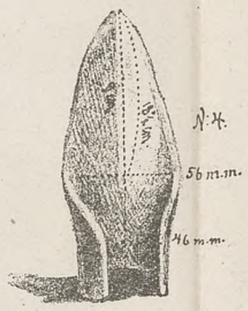
Какъ каменныя бабы, такъ и руническія письмена есть слѣдъ и вѣхи великаго переселенія племенъ изъ Азіи въ древнѣйшія времена въ Европу, въ нихъ же находится ключъ, можетъ быть, родства европейскихъ и азіатскихъ народовъ, который мы доселѣ предполагали и едва могли догадываться. Можно себѣ представить, какой интересъ въ будущемъ составитъ разгадка этихъ сфинксовъ для исторіи человѣчества.

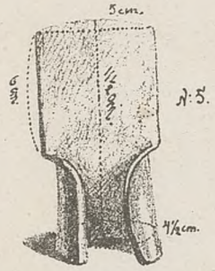
Н. Ядринцевъ.

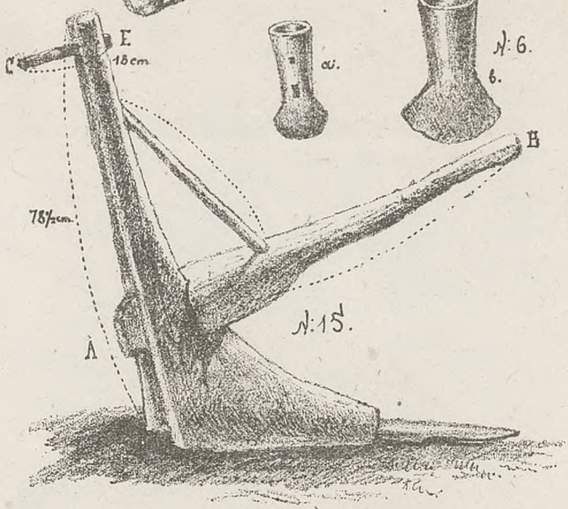
---

[1]) Точно также не подтверждается мнѣніе Палласа, Спасскаго и Корещенко, что бабы имѣли буддійское происхожденіе. Похороны буддистовъ опровергаютъ это.

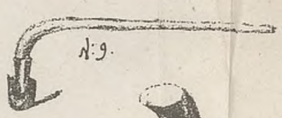

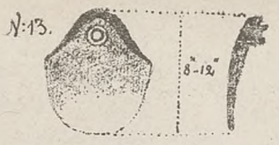

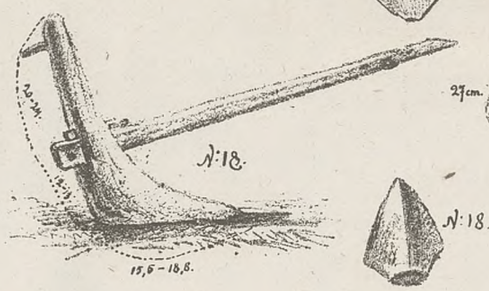

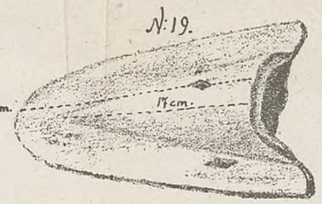

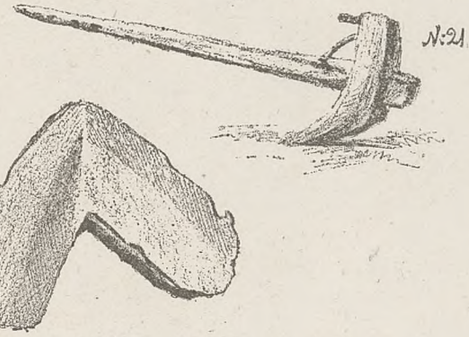

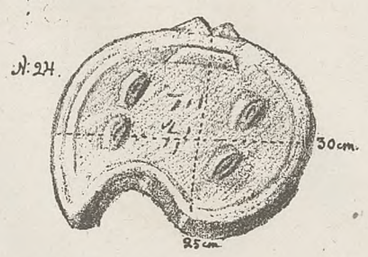

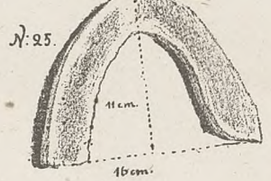

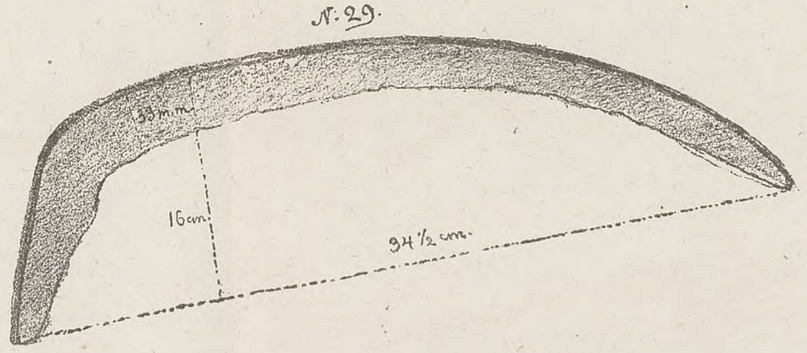

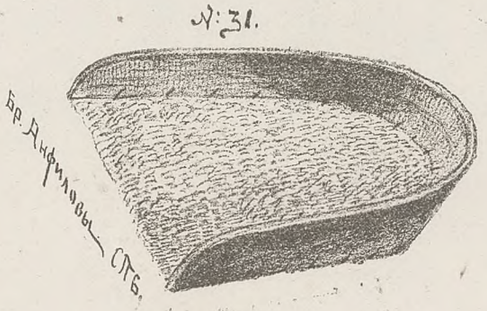

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ ОРУДІЯ

ТЮРКО-АЛТАЙСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ,

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ СТАТЬѢ

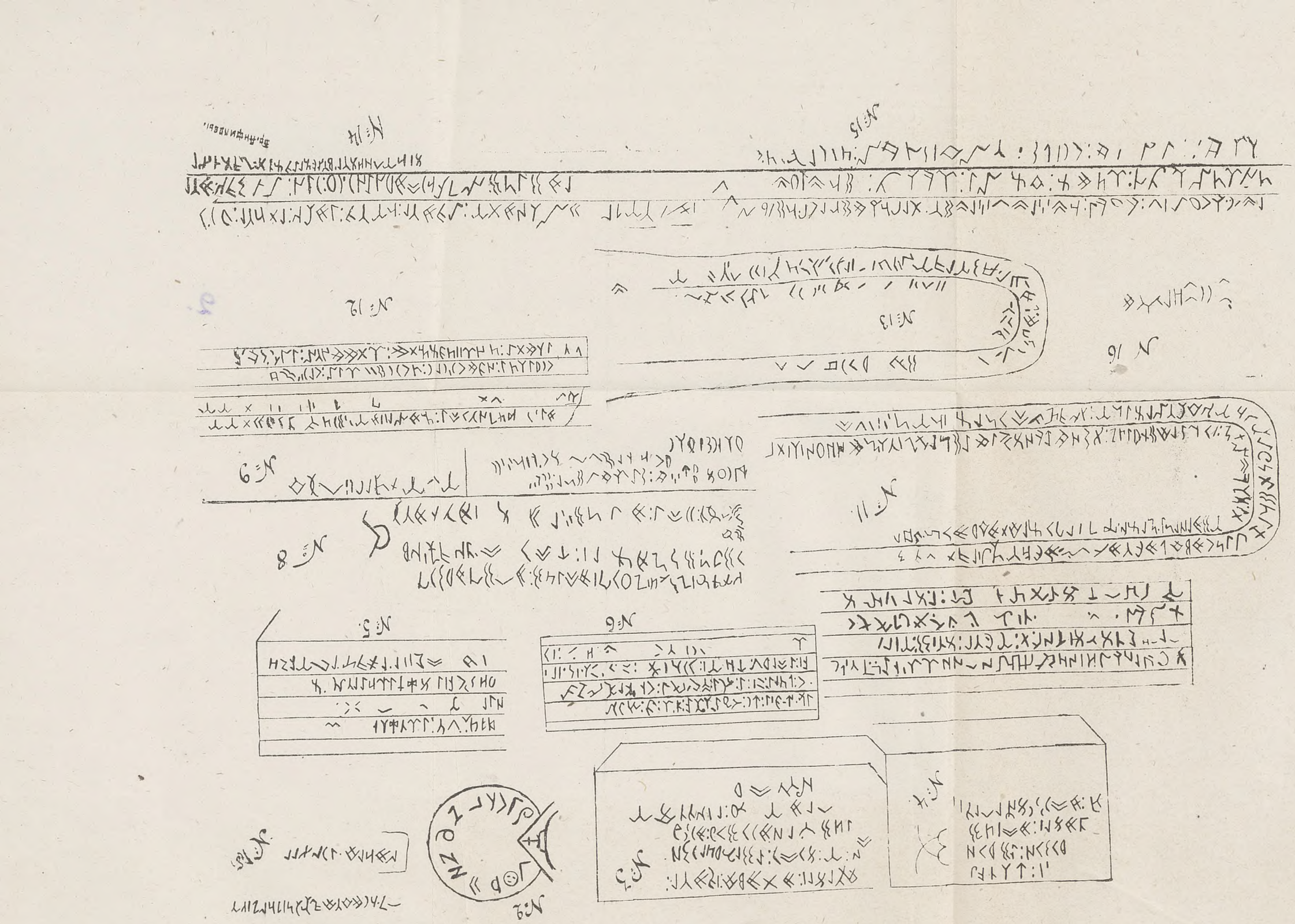
„НАЧАЛО ОСѢДЛОСТИ“, Н. Ядринцева.

Бр. Диффлевы — СПБ.

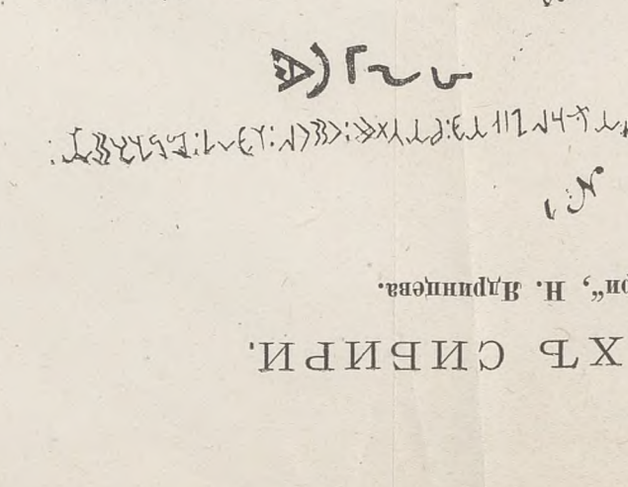
ДРЕВНИЯ НАДПИСИ НА СКАЛАХЪ СИБИРИ.

Приложеніе къ статьѣ „Древніе памятники и письмена въ Сибири“, Н. Ядринцева.

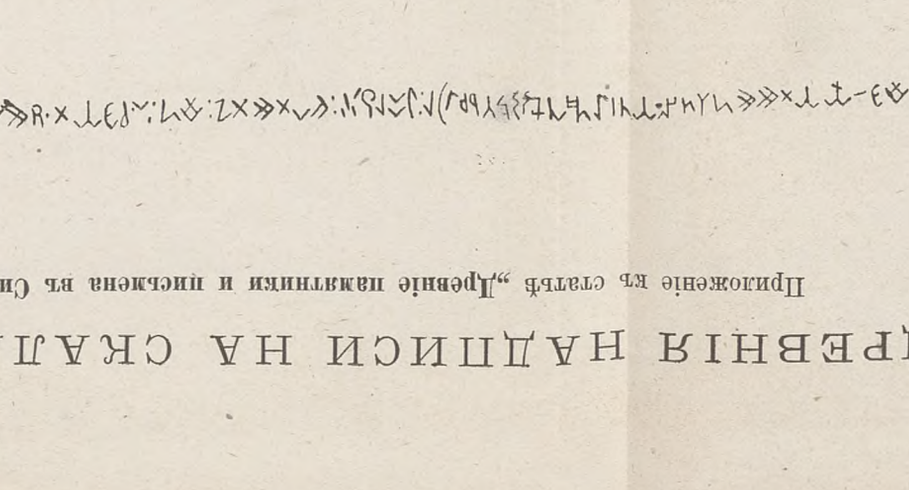
№ 1

№ 2

№ 3

№ 4

№ 5.

№ 6

№ 7

№ 8

№ 9

№ 10

№ 11

№ 12

№ 13

№ 14

№ 15

